

**СОЦИАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ ОБЕЗДУШЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ,
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ
(ПАМЯТИ И.А. ПОКРОВСКОГО)**

УДК 340.1

DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-1-9-17

**ПРОБЛЕМА ДУХА И ДУШИ В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ
И СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Шапсугов Заслуженный юрист Российской Федерации,
Дамир доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
Юсуфович теории и истории права и государства, директор центра
правовых исследований, научный руководитель школы
правового мышления, Южно-Российский институт
управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: tha@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье анализируются основные черты учения профессора И.А. Покровского об обездушенном праве, прослеживается ее укорененность в истории политико-правовой мысли, раскрывается социальная опасность реализации в юриспруденции, законодательстве и практике его применения.

Ключевые слова: *Дух права, Душа права, разум, разумная воля, абстрактный субъект права, конкретный субъект права, полная свобода договоров, обездушенное право, формы проявления обездушенности законодательства и практики его применений, социальная опасность обездушенной юриспруденции.*

В истории политико-правовой мысли можно обнаружить немало идей, становящихся предметом размышлений в рамках действующего уже несколько лет в нашей «Школе правового мышления» исследовательского направления, получившего название – «непреходящая юриспруденция». Как нам представляется, это очень важное направление, призванное выявлять и использовать исторические достижения отечественной и зарубежной юриспруденции, забытые или просто невоспринятые современниками, но весьма важные для нашего времени.

Сегодня не часто можно слышать о значении научного творчества выдающегося отечественного ученого-юриста профессора И.А. Покровского. В апреле 2020 года – 100 лет после его смерти. Рано ушедший из жизни, он оставил множество плодотворных идей о гражданском праве, но будучи профессиональным представителем науки гражданского права, не замкнувшись, как это делали и делают многие ученые, в рамках отдельной отрасли юридической науки.

Сегодня у нас есть возможность выделить одну из самых актуальных для современной юриспруденции его идей – идею о недопустимости существования обездушенного права и обосновывающей его юриспруденции. Разумеется такая позиция не могла не вызвать глубокого неприятия в среде догматически мыслящих ученых, тем более что

И.А. Покровский предлагал конкретный механизм превращения живого человека в действительного субъекта права – через закрепление полной свободы договоров¹. Это предложение казалось уже совсем недопустимым и усилило противодействие его основной идее. Надо отдать должное – И.А. Покровский уверенно защищал свои позиции [2–3], но оставался едва ли не в одиночестве.

Возникает вопрос, а почему так случилось, являлось ли возникновение этой идеи случайной догадкой? Была ли хоть какая-то укорененность этой идеи в истории политико-правовой мысли, в реальной жизни общества? Этой необъятной проблеме попытаемся уделить некоторое внимание, высказав только несколько возможно спорных тезисов.

В обыденном мышлении термин «душа» имеет очень большой позитивный смысл, выступая как безусловный критерий качества человека и его поступков – здесь не возникает особых вопросов, но известное вообще от того, что оно известно, как говорил Гегель, еще не познано.

Задача настоящей статьи, воспроизводящей основные положения доклада на международной научной конференции «Социальная опасность обездушенной юриспруденции, законодательства и практики его применения», – общими усилиями провести поиск истины, познать, что есть душа, ибо заранее ясно, что ее отсутствие в делах человека означает его серьезную деградацию.

Современное состояние юридической науки законодательства и практики его применения часто характеризуется как кризисное, что означает необходимость критически подойти к этому состоянию и найти надлежащий выход из него.

Данная проблема неоднократно возникала в истории юридической науки, законодательства и практики его применения. Выходом из кризиса служили новые концепции, новые законы, новые практики их применения, которые в свою очередь в конечном итоге приводили к новому кризису. Состояние юридической науки, призванной «быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях» [4, с. 4], во многом оказывалось несбыточным, приходящим в противоречие с ее социальной функцией. Как это не покажется странным, казалось бы, объективная необходимость новых концепций в рассматриваемой сфере, часто приводила к хаотическому состоянию юридического знания, требовала наведения, как говорил Гегель, мыслительного порядка, создаваемого на основе Духа права, опирающегося на идею свободы, который не может обеспечить только нагромождение новых концепций, являющихся фактором создания мысленного беспорядка. Одну из причин такой ситуации он образно обрисовал на примере анатомии, представляющей собой знания о наличном бытии отдельных органов человеческого тела, лишенных жизни [5, Предисловие]. Сегодняшняя юриспруденция во многом соответствует такому пониманию. Загнанная в различные парадигмы мышления, кичась наличием множества типов правового понимания и точек зрения, она желает называть себя достигшей высших форм познания действительности, а на самом деле находится на начальных этапах своего становления.

Современное хаотичное состояние юридического знания порождено и прочно закреплено ее догматизмом, являющимся одной из главных причин мысленного беспорядка, отрицающего и делающего ненужным познание целостности правовой теории, опирающегося на нее законодательства и практику его применения.

Перефразируя мысли Гегеля о различении философии как любви к знанию, мудрости и действительной философии, занятой в отличии от первой не только познанием

¹ Более конкретно об этом см.: [1].

самой себя как развивающегося Духа, но и восстановлением субстанциональности и основательности бытия, можно отнести к юриспруденции. Как известно, опираясь на эти философские предпосылки, он настоятельно требовал: «В праве человек должен найти свой разум». Представляется, что этот тезис до сих пор особенно важен для юриспруденции, но остается не только не реализованным, но и не осознанным в его действительном содержании. Мысленный порядок, о котором говорит Гегель, есть развивающийся способ существования Духа, занимающегося не только познанием самого себя, но и, как уже отмечалось, восстановлением субстанциональности и основательности бытия [5, с. 140–141].

Другое основание кризиса современной юриспруденции обосновал профессор И.П. Покровский, едва ли не первый обративший внимание на недопустимость существования обездушенной юриспруденции, представляющей большую социальную опасность поступательному развитию общества и индивида, если она будет оставаться основой законодательства и практики его применения. Характерно, что эта идея была высказана им в период оживленных дискуссий о новом гражданском законодательстве, бурно проходивших в начале XX века в России.

На сложный вопрос о том, что есть дух и душа, можно кратко, тезисно ответить следующим образом.

Первое произведение под названием «О Душе» принадлежит Аристотелю. В нем Аристотель анализирует представление своих предшественников о мире, прежде всего с точки зрения учений о первоначалах бытия, мира. Аристотель приходит к выводу о том, что обосновываемые ими в качестве таковых вода, воздух, огонь, почва ограничиваются фиксацией состояний мира, наблюдение над которым становится исходным объяснением его цельности и неизменности. Подобная философия никак не объясняет и не может объяснить движение мира, ограничивается представлением о его постоянном воспроизводстве из определенного первоначала и возврата в него.

Первым указанием на возможность движения мира было, по его мнению, высказывание Анаксагора о «нусе» (уме) который причастен к объяснению движения, хотя Анаксагор ничего конкретизирующего не привел в его обоснование и не раскрыл содержание этого первоначала. В связи с этим Аристотель считает необходимым раскрыть, что есть движение и каково его содержание. Здесь очень важно подчеркнуть ту главную мысль Аристотеля, что движение невозможно понять и объяснить без души, которая бывает растительной, животной и человеческой (ум) [6]. Последний опирается на органы чувств человека – источники знаний, нуждающихся в тщательном исследовании.

Сократ и Платон считали, что высшей ценностью, содержащей истину о благе, является знание, пронизывающее все поведение человека по принципу «знающий человек не может поступать безнравственно». Поэтому, если человек поступает безнравственно, то это, по их мнению, означает лишь то, что знание не стало для него высшей ценностью, или его просто недостаточно. Возникает же оно в общении мудрых в формате диалога.

В таком понимании знания Дух как рациональное знание, получаемое в диалоге мудрецов, и Душа – основа нравственного поведения, проникающая в страсти (психику) человека, практику пока еще как нерасчлененное единое рационально-разумное целое, в котором чувственное занимает подчиненную роль, если вообще допустимо.

Но уже Платон резко разделяет эти сферы, выделяя мир идей как мир постоянного пребывания истины, которая возможна только тогда, когда идеи освобождаются от того, что постоянно меняется – мир бытия страстей и чувств, и потому не может быть выражением идей, в которых заключена истина, понимаемая как нечто неизменное, постоянное. Поэтому познание носит характер «припоминания» уже существующей

истины, поиском (нахождением) которой занимаются участники диалога. Добываемое таким образом знание фиксируется в знаках, одним из главных среди которых является слово, становящееся источником движения в человеческом обществе.

Реализацией названного принципа жесткого разделения мира идей и мира чувств, страстей является учение об идеальном государстве Платона – составной части мира идей – истин, должного и эмпирического, т.е. реально существующего мира того, что есть – частью которого являются формы государства: тимократия – олигархия – демократия – тирания, лишенный справедливости, свойственной только идеальному государству.

Здесь Дух – мир идей – истин не нуждается в Душе, приземленной к жизненной постоянно изменяющейся обыденности, в которой не может быть истины, справедливости.

Другую интерпретацию соотношения Духа и Души получает в концепции Нуса (ума) у Аристотеля.

Критикуя представления Платона, Аристотель утверждает, что Платон несуществующему (миру идей) придает статус действительного существования, а реально существующей Душе (в виде чувств, эмоций и их обобщения в представлении) отказывает в праве на существование, как имеющей отношение к истине.

На самом деле Дух и душа соотносятся как части целостности, называемой умом, устремленным к тому, чтобы познать движение во всех формах его проявления.

Чувства, ощущения представляют собой начало познания, составляя то, чем наполняется душа, дающая представление о предметах, вещах, без которых познание сущего как истины далее оказывается невозможным. Короче говоря, на основе Души как знания, получаемого на первом этапе познания, оно развивается дальше как рациональное мышление, удерживающее результаты познания, полученные на первом этапе путем их обобщения, осуществляемого на основе выделения общих свойств конкретно исследуемых явлений. Такая технология познания позволяет удерживать в обобщении конкретное содержание непосредственного знания о конкретных предметах и явлениях. Но этот результат как единство Духа и Души оказывается возможным только на основе логических операций, получивших название формальной логики. Таким образом, мы можем отметить «две линии» – Платона и Аристотеля – в познании «Духа» и «Души», получившие развитие в учении Р. Декарта и Лейбница (линия Платона), линия Аристотеля (Д. Локк), объединенные в концепции Гегеля о разуме.

Убедительную критику этих концепций дает Ф. Бэкон¹, настаивая на недопустимости искусственной логизации действительности, дающей недостоверное знание о ней и на возможность ее постижения только посредством опыта.

Признавая необходимость опытного знания, Д. Локк рассматривает мышление как процесс возникновения соединения и разъединения идей, опирающихся на чувства, ощущения, выражаемые через слово. Он делает величайшее открытие, фиксируемое в утверждении о несовпадении истины мысли и истины слов [8, с. 51] и ставит задачу создания другой логики, другой науки, решением которой займутся уже И. Кант и Г. Гегель.

Пока же это различие в обобщенном виде находит свое выражение в новой классификации наук: физика, практика, символика, с выделением символика, которая впоследствии развивается как самостоятельная отрасль знаний, до настоящего времени преимущественно как обособленная отрасль знания, не включенная надлежащим образом в процесс познания. В результате мы имеем ситуацию, когда видимость предмета отождествляется с самим предметом, вследствие чего мы не получаем знания ни о предмете,

¹ Более подробно см. об этом? [7, с. 36–49].

ни о его видимости, что особенно губительно для юриспруденции, которая занимается преимущественно видимостью права, что фиксируется в отчуждении права от живого человека, на что указывает профессор И.А. Покровский, анализируя концепцию абстрактного человека, рассматриваемого как субъект права.

В концепции разума Гегеля – Путь Духа начинается с Души, непосредственно выражающей «материальное содержание» предмета в психике человека и опосредованно – через рационально-логическое мышление, в котором непосредственность Души остается не в своей непосредственности, а в «снятом» виде в понятии сущности абсолютной идеи – чистом, самодостаточном, абсолютном (независимом) знании. В связи с этим Гегель подчеркивает, что Дух в качестве души определен природой [9, с. 268], а «движение духа через самого себя составляет его действительность» [9, с. 141]. Таким образом, единство духа и души получает у него статус разума.

После Гегеля все же оставался открытым вопрос о естественнонаучных основаниях психики и механизмах ее внутреннего функционирования, разработка и исследование которых длилось больше столетия, позволившие во многом раскрыть на основе достижений ряда сформировавшихся в этот период естественных наук природные основания психики, ее возможности по адекватному восприятию природных процессов, служащих материальной основой ее «укорененности» в объектах. Выяснилась недопустимость дальнейшего игнорирования значимости этих процессов для «производства» энергии и знаний, приводящих ее в движение. Психическое знание стало проникать даже в юриспруденцию, что особенно четко выразилось в психологической концепции права, разработанной Л.И. Петражицким [10]. Обретенное таким образом новое знание, так же как и абсолютизированные в свое время учения о Духе и Душе, стало рассматриваться как наконец-то найденное истинное знание, в данном случае о праве. Об этом свидетельствовало учение об интуитивном и позитивном праве, которое было разработано Л.И. Петражицким [10, с. 377–508], считавшим основой интуитивного права правовые переживания, а основу позитивного права – нормативные факты. Им были предложены три выражения взаимосвязи интуитивного права, понимавшегося как справедливость, с необходимостью, являющиеся основанием для подлинного позитивного права. В ином случае, по его мнению, общество, в котором не действует это соответствие, обречено на гибель.

В психологической концепции права Л.И. Петражицкого интуитивное право рассматривается как интуитивно-правовые переживания о добре и зле, концентрируемые в понятии справедливости, которое и есть по Петражицкому Л.И. интуитивное право, конкурирующее с позитивным правом, основу которого составляют нормативные факты-стандарты, имеющие не психологическое, а сугубо рационалистическое, целесообразное, логически необходимое содержание. Здесь речь идет о взаимодействующих обособленных сущностях, в то время как их единство, в котором они существуют, характеризуется как противоположность, а не различие. Переживание, как проявление чувства, уже приходится называть правом, хотя бы и интуитивным. Психическое начало для формирования права уже объявляется правом, а причина называется отношением к добру и злу – нравственными представлениями, которые уже должны быть у человека до начала интуитивно-правового переживания.

Начало социализации природной воли (чувства) он объявляет уже разновидностью права, а не началом его становления. При этом вне исследовательского внимания остается причина возникновения переживания – действующая природная воля человека, вызывающая необходимость удовлетворения его естественных потреблений.

Обоснование описанных выше положений, несмотря на очевидную их односторонность, убедительно демонстрировало необходимость учитывать при разработке концепции действительного права, естественнонаучные знания, связывающие психику с окружающей действительностью, наряду с учением о Духе и Душе, становясь необходимым звеном в познании Разума, познающего истину.

После Гегеля, несмотря на его достижения, остававшаяся исторически непреодоленной преграда (граница) между метафизикой и естественнонаучным знанием, становится предметом забот новых отраслей знания – экспериментальной психологии, психоанализа, нейрофизиологии, кибернетики, нейрокибернетики и др., отодвигающих на второй план метафизику и пытающихся присвоить себе всю проблематику сознания и познания. Это направление проникает и в юридическую науку, но не получает должного развития из-за догматизма, пронизавшего эту науку.

Это позволяет сегодня осознать объективную и прежде существовавшую необходимость нового единства метафизики и естественнонаучного знания, что создает огромные возможности для развития юриспруденции во благо человека, для создания эффективных механизмов правового воздействия на человека и формирования здорового (И. Ильин) правосознания.

Одним из путей устранения этой преграды становится одушевление юриспруденции, законодательства и практики его применения, без которого современный человек и его понимание как результат предшествовавшей эволюции теряет смысл. Его заменит другое существо, о котором сейчас существует довольно туманное представление, пока называемое искусственным человеком, но уже обездушенным, постчеловеком.

Такая опасность, безусловно, есть, но она не абсолютна. И преодолевается она тем, что человек остается субъектом творчества, создающим для его (творчества) осуществления более совершенные орудия, инструменты, позволяющие ему продлевать свою жизнь и вписываться в мировую гармонию, сохраняя баланс ее компонентов как условие сохранения и развития человеческой жизни на земле и в космосе. Для этого и необходимо интенсивное самосовершенствование человека как живого существа, субъекта творчества.

Таким образом, к настоящему времени можно считать выясненными три основных компонента, позволяющие объяснить процесс становления разума: естественнонаучное, психическое и рациональное основания производства энергии и знания человеком. Остается более детально проследить их содержание и взаимодействие особенно в современную эпоху, когда человек переживает антропологическую и социальную революцию, масштабы которых настолько велики, что наши потомки будут смотреть с высоты своего времени примерно так, как мы сейчас смотрим на неандертальцев. Современный человек через развернутое понимание единства названных трех компонентов и возможно их большее количество, должен использовать уже созданные возможности, обеспечивающие эволюционное регулирование всех параметров своего развития на Земле, начиная от определения количества населения до определения качества жизни каждого индивида.

Развитие человека в ходе длительной эволюции его бытия и сознания привело к осознанию нового качества в его развитии, обобщенно и пока интуитивно названное «человек достойный» [11]. Сам человек становится субъектом субстанциональности, основательности бытия. Сегодня человек в состоянии соответствовать требованиям, предъявлявшимся Гегелем к Разуму человека – познать самого себя и воспроизвести субстанциональность и основательность своего бытия, и тем самым познать основу своего существования и развивающегося бытия как возникающую и удовлетворяемую в должной

мере. Рождается потребность в свободе, требующая постоянно обновляемого удовлетворения. Теперь человек не просто должен, но и может найти в праве свой разум и сделать его действительным. Эпоха, когда высшим благом человека является его свобода, наступает, и эта эпоха есть эпоха права, эпоха, когда социальное регулирование опиралось и обуславливало противоположность и борьбу интересов, сменяется регулированием, вытекающим из права – становящегося концентрированным выражением разума, позволяющим снимать различия интересов через их свободное согласование – на чем и настаивал профессор И.А. Покровский, доказывая необходимость полной свободы договоров в гражданском праве, гарантированной законом.

Функция согласования интересов, отсутствовавшая у человека несвободного и перешедшая к государству, возвращается к свободному человеку и благодаря этому возникает возможность его свободного развития, не допуская возвращения «всей старой мерзости», что, конечно, не означает невозможность ее возврата. И гарантией этой невозможности «возврата к варварству», как преодоленному этапу в развитии человека, является Душа человека как ядро его разума. Движущая сила человека от частного интереса переходит к свободе каждого – становящейся основой становления семьи, гражданского общества и государства.

С этой точки зрения, господствовавшее в советский период нашей истории понимание сущности права как «возведенной в закон воли господствующего класса», необоснованно трактовавшееся как определение буржуазного права К. Марксом и Ф. Энгельсом, на самом деле выступает как отрицание права, сводящее его признание к воле господствующего класса. Воля, служащая источником права, не может быть обособленной частной волей отдельного индивида или части общества, восходящей к идее и практике потребительского общества. Она выступает как социализированная природная воля развивающегося человека, не утрачивающего в процессе своей естественной эволюции качества живого человека и приобретающего качества цивилизованного человека.

И.А. Покровский фактически предлагает фигуру конкретного живого свободного человека как субъекта права, создавая и созерцая которую можно дать опирающуюся на разум концепцию права, действительность которого выступает как юридическое творчество народа, состоящего из конкретных свободных личностей, выступающего материалом для исследования права, основанного на разумной воле, исключающей произвол.

Обездушенная юриспруденция не знает права, а имеет дело с его видимостью как системой абстрактных норм, как выражением рационального мышления, в котором остается не снятой материя права. Соответственно, результат такого познания закрепляется в законодательстве и практике его применения.

Создаваемый на такой основе мир (обездушенного права) оказывается иллюзорным, способным к развитию как к своей гибели, в абстрактном человеке, который для него достаточен. Живой конкретный разумный человек как субъект права через свободно осуществляемую деятельность (одну из форм выражений полной свободы договоров) создает непосредственность права, как реальный материал – предмет права, включающий не только изучение фактов и механизм осуществления полной свободы договоров, но и спекулятивного обобщения «снятия-сохранения» непосредственности права в понятии о нем.

Таким образом, идея профессора И.А. Покровского о недопущении существования обездушенного права, высказанная в качестве обоснования одного из аспектов этой проблемы – приоритетного закрепления в гражданском праве права полной свободы

договоров конкретной живой личности, придания абстрактному человеку характера вспомогательного инструмента, используемого для обеспечения свободы живой личности, – оказывается не изолированным высказыванием, а опирается на учение о Духе и Душе, синтезируемым в разуме, опирающемся на естественнонаучные знания, связанные с функционированием сознания.

Следует отметить, что в отечественной литературе высказывались идеи о «беспочвенности сознания и мышления», пренебрежении ко всему конкретному, живому, близкому, осязаемому [12, с. 8; 13, с. 42] как выражению кризиса юридической науки. Душа, как уже отмечалось, является в этом смысле почвой Духа, без которой невозможны ни его возникновение, ни развитие.

Приложение этой идеи к реальной практике законодательства позволяет выделить все же очень незначительное число нормативных актов, удовлетворяющих означенным требованиям, называемым правовыми законами. Но даже это обстоятельство позволяет признать: разум нашел столбовую дорогу к праву, прокладывая тропинки к которой И. Кант очень скромно, но в высшей степени обоснованно, считал своей заслугой.

Литература

1. Шапсугов Д.Ю. Действительность права как юридическое творчество народа, состоящего из конкретных свободных личностей. Размышления о концепциях философии и обездушенной юриспруденции Б.Н. Чичерина, И.А. Покровского // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 9 – 18.
2. Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права. СПб., 1913.
3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917.
4. Покровский И.А. История римского права. Введение. Петроград, 1918.
5. Гегель Г.В. Ф. Феноменология духа. СПб: «Наука», 1992. 444 с.
6. Аристотель. О душе. Электронный ресурс // <https://www.litmir.me/br/?b=159356&p=1>
7. Шапсугов Д.Ю. Проблема свободного мышления в юридической науке. М., 2020. 520 с.
8. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Соч. в 3-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1985. 560 с.
9. Гегель Г.Ф.В. Философия духа. М., 1977. 471 с.
10. Петражицкий Л.И. Теория государства и права в ее связи с теорией нравственности. СПб., 2020. 608 с.
11. Кравец И.А. «Человек достойный» («Homo dignus») в современном конституционализме и правовом регулировании статуса личности (отечественный, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 242–255.
12. Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. 496 с.
13. Шаповалов В.Ф. Россияведение как комплексная научная дисциплина // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 37 – 46.

Shapsugov Damir Yusufovich, Doctor of law, Professor, the Head of the Department of the Theory and History of Law and State, Supervisor of the School of Legal Thinking, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tha@uriu.ranepa.ru

**PROBLEM OF SPIRIT AND SOUL IN THE HISTORY OF LEGAL THOUGHT
AND MODERN JURISPRUDENCE**

Abstract

The article analyzes the main features of the doctrine of Professor I.A. Pokrovsky of soulless law, traces its rootedness in the history of political and legal thought, reveals the social danger of implementing this idea in jurisprudence legislation and practice of its application.

Keywords: *Spirit of law, Soul of law, reason, reasonable will, abstract subject of law, specific subject of law, complete freedom of contracts, soulless law, forms of manifestation of lack of soulfulness of legislation and practice of its application, social danger of soulless jurisprudence.*

References

1. Shapsugov D.Ju. Dejstvitel'nost' prava kak juridicheskoe tvorchestvo naroda, so-stojashhego iz konkretnyh svobodnyh lichnostej. Razmyshlenija o koncepcijah filosofstvujushhej i obezdushennoj jurisprudencii B.N. Chicherina, I.A. Pokrovskogo // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. 2020. № 4. P. 9 – 18.
2. Pokrovskij I.A. Abstraktnyj i konkretnyj chelovek pered licom grazhdanskogo prava. SPb., 1913.
3. Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Petrograd, 1917.
4. Pokrovskij I.A. Istorija rimskogo prava. Vvedenie. Petrograd, 1918.
5. Gegel' G.V. F. Fenomenologija duha. SPb: «Nauka», 1992. 444 p.
6. Aristotel'. O dushe. Jelektronnyj resurs // <https://www.litmir.me/br/?b=159356&p=1>
7. Shapsugov D.Ju. Problema svobodnogo myshlenija v juridicheskoy nauke. M., 2020. 520 p.
8. Lокk D. Opyt o chelovecheskom razumenii. Soch. v 3-h t. T. 2. M.: Mysl', 1985. 560 p.
9. Gegel' G.F.V. Filosofija duha. M., 1977. 471 p.
10. Petrazhickij L.I. Teorija gosudarstva i prava v ee svjazi s teoriej npravstvennosti. SPB., 2020. 608 p.
11. Kravec I.A. «Chelovek dostojnyj» («Homo dignrs») v sovremennom konstitucionalizme i pravovom regulirovanii statusa lichnosti (otechestvennyj, sravnitel'nyj i mezhdunarodnyj aspekty) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 459. P. 242–255.
12. Sinjukov V.N. Rossijskaja pravovaja sistema. Saratov, 1994. 496 p.
13. Shapovalov V.F. Rossievedenie kak kompleksnaja nauchnaja disciplina // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 2. P. 37 – 46.